ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 100, № 2, с. 227–233

ПОТЕРИ НАУКИ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. КАРТАШЕВА

© 2021 г. К. В. Авилова*

Биологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, 119234 Россия

**e-mail: wildlife@inbox.ru*

DOI: 10.31857/S0044513421020173

Николай Николаевич Карташев, будущий известный орнитолог, родился 29 сентября 1919 г. в городе Красноярске, тогда Енисейской губернии, крупном по тем временам центре с населением в 27 тысяч человек. Это был сложный период, когда власть в городе переходила то к красным, то к белым. Зимой 1919–1920 годов проходила Красноярская наступательная операция Красной армии против сил Колчака, обстановка была напряженной и опасной. Но и после восстановления советской власти жизнь оставалась очень трудной: в городе царила разруха, население голодало, свирепствовал тиф. Немного легче стало осенью, когда с низовьев Енисея приходили в город баржи с мукой, медом, икрой и другими товарами. Тогда на двух базарных площадях, становившихся центрами городской жизни, разворачивалась торговля, в том числе – рыбой. Рыб осетровых пород ловили тут же в Енисее, который не был еще перегорожен плотинами крупнейших Красноярской и Саяно-Шушенской гидроэлектростанций. Пироги с осетриной или черёмухой были визитной карточкой красноярского дома. В Красноярске Н.Н. Карташев пошел в первый класс как раз в то время, когда была упразднена Енисейская губерния, а город начал относиться сначала к Сибирскому, позже Западно-Сибирскому краю (с центром в Новосибирске), потом – к Восточно-Сибирскому краю (с центром в Иркутске) и только в 1934 г. стал административным центром Красноярского края. Ранний интерес мальчика к природе и птицам сформировался, несомненно, под влиянием отца, Николая Николаевича Карташева-старшего, топографа-землемера, знатока местной фауны, охотника и умелого таксидермиста. Его деятельность выходила далеко за рамки узкой специальности. В Красноярске он тесно сотрудничал с краеведческим музеем, тогда – Государственным музеем Приенисейского края, директором которого с 1905 г. был А.Я. Тугаринов, глава Красноярского отделения Русского географического общества, орнитолог и организатор ряда комплексных экспедиций, в некоторых принимал участие и Н.Н. Карташев-старший. Их маршруты проходили по низовьям Енисея, в бассейне Подкаменной Тунгуски, в районах бывших Красноярского, Ачинского, Минусинского уездов, а также в Урянхайском крае (Тыве). Они путешествовали пешком, на лошадях, сплавлялись по рекам на плотах, шли на лодках бичевой против течения. Были собраны обширные материалы по фауне края, в том числе более двух тысяч экземпляров птиц, в сборе и обработке которых принимал непосредственное участие отец Н.Н. Карташева. Во многом благодаря им А.Я. Тугаринов в 1911 г. выпустил монографию “Материалы по птицам Енисейской губернии” совместно с С.А. Бутурлиным, а в 1927 – фундаментальный труд по орнитологии Сибири “Птицы Приенисейской Сибири. Список и распространение”. Богатый опыт наблюдений и любовь к родной природе, приобретенные за годы работы, отец сумел передать сыну.

В 1934 г. семья Карташевых перебралась в Нижний Новгород, который незадолго до этого был переименован в город Горький и который начал бурно развиваться с пуском автозавода. Здесь Н.Н. Карташев-старший работал в лесоустроительной экспедиции, в штате краеведческого музея (с ноября 1941 по август 1951 гг.) и руководителем кружка юннатов Горьковского Дворца пионеров (с сентября 1951 по ноябрь 1954 гг.). Мать Н.Н. Карташева, Мария Васильевна (урожденная Мариева, родом из минусинских мещан) работала в библиотеке пединститута. Заведующим отделом природы в областном краеведческом музее в те годы был профессор И.И. Пузанов, энтузиаст заповедного дела России, член Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК. Вместе с группой московских ученых он подготовил документы для организации в Горьковской обл. Керженского заповедника. Однако из-за войны и послевоенных событий эти планы реализовались только в 1993 г. И.И. Пузанов изучал и прекрасно знал природу Нижегородского края. В 1942 г. вышла монография “Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области”, большая часть которой была написана И.И. Пузановым. Был в Горьком и еще один человек, связанный с Карташевым-старшим. В ответе на запрос горьковского краеведа

В.И. Козлова о природоохранной работе родителей, Н.Н. Карташев упоминает фамилию Покровского, но без инициалов. Рискну предположить, что речь идет о сотруднике музея Н.А. Покровском, у которого еще юным натуралистом учился А.Н. Формозов. Так неожиданно пересекаются пути российских зоологов. Как вспоминал Н.Н. Карташев, родители были глубоко погружены не только в краеведение, но и в природоохранную работу, были членами Горьковского и Центрального Совета ВООП. Дома часто обсуждались проблемы охраны природы. Это тоже не могло не повлиять на мировоззрение сына.

Если в младших классах успеваемость Коли Карташева была не выше "хорошо", то в 1937 г. он окончил среднюю школу почти исключительно на "отлично", уехал в Москву и сразу поступил на биологический факультет МГУ. Здесь он специализировался на кафедре зоологии позвоночных и подружился со старшекурсниками, а затем аспирантами В.М. Модестовым, впоследствии руководителем научной работы Кандалакшского заповедника, и Ю.М. Кафтановским, одним из организаторов и научным сотрудником заповедника "Семь островов". С 1937 г., еще студентами, они начали работать на Баренцевом море. Юрий Кафтановский одним из первых в стране начал проводить кольцевание на птичьих базарах, а летом 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по чистиковым птицам, по уровню не уступавшую докторской. Не удивительно, что его энтузиазм и увлеченность передались студенту Карташеву. От старших товарищей он "заразился" интересом к северным морским птицам, особенно к чистиковым, и быстро втянулся в их изучение. Николай Николаевич в 1940 г. работал с чистиковыми на "Семи островах", а летом 1941 вместе с В.М. Модестовым сразу после защиты его кандидатской "Экология колониально гнездящихся птиц" (руководитель проф. С.И. Огнёв) начал обследование Терского берега Белого моря, в первую очередь, для учета численности и распределения гаги. Но тут началась война, и в первой декаде июля всем пришлось возвращаться в Москву.

В самом начале войны вышел приказ наркома просвещения о четырехлетнем образовании в МГУ. Это означало досрочное присвоение студентам, окончившим 4-й курс, статуса выпускников с последующей мобилизацией и отправкой на фронт. Но еще до призыва они успели поучаствовать в противовоздушной обороне Москвы и университета. "*Всем немедленно пришлось заняться подготовкой бомбо- и газоубежищ и расчисткой чердаков. Дерево покрывалось огнезащитным составом, повсюду были поставлены ящики с песком, пополнялись запасы противогазов и медикаментов. Уже 22 июля была первая бомбежка Москвы. На территорию университета было сброшено 200 термитных "зажигалок". Одну из первых бомб гасили биофаковцы Е. Карасева и Н. Карташев",* – пишет участник этой кампании, зоолог В.В. Груздев.

Явившись по призыву в военкомат, студенты, окончившие 4-й курс, были, однако, направлены не на фронт, а на дальнейшую учебу для получения военной специальности. Н.Н. Карташев вместе с однокурсниками был зачислен в Военно-ветеринарную академию, сразу на третий курс, на особое отделение ускоренного обучения. По этому поводу родители прислали ему трогательное поздравление: "Поздравляем, дорогой, с высокой честью учиться в высшей школе нашей любимой Красной Армии! Твердо уверены, что ты оправдаешь эту честь и доверие, и будешь учиться так же хорошо, как ты учился в школе и в университете. Мы гордимся сыном, заслужившим такую честь".

Академия располагалась сначала в Москве, затем эвакуировалась на берег Аральского моря, а заканчивали обучение студенты в мае 1943 г. в Самарканде. Условия были далеки от комфортных: летом изнурительная жара, зимой – лютый холод, скудное питание. В курс обучения, помимо строевой и огневой подготовки, входили военно-полевая хирургия, терапия, анатомия, кормление животных, латынь и др. По окончании Академии Н.Н. Карташев получил звание капитана ветеринарной службы, а по возвращении в Москву – диплом об окончании МГУ. К этому времени его старших товарищей уже не было в живых: В. Модестов погиб 9 августа 1941 г. в Карелии, сравнительно недалеко от Кандалакшского заповедника, а Ю. Кафтановский – 3 февраля 1942 г. вблизи г. Демидова Смоленской обл. Не стань Н.Н. Карташев студентом Военно-ветеринарной академии, возможно, и он оказался бы в этом списке. С июля 1943 г. по май 1944 г. он воевал на Юго-Западном фронте в составе 20-й Криворожской стрелковой дивизии врачом-хирургом армейского ветлазарета. Оперировать приходилось иногда по 12–16 часов. Раненых лошадей было очень много, а за потери конского состава полагалось наказание вплоть до расстрела. Позднее Н.Н. стал начальником лечебного отдела дивизионного ветлазарета, а с июня 1944 г. по май 1945 г. был в составе гвардейских кавалерийских частей 3-го Украинского фронта в звании капитана и в должности старшего ветврача полка, в котором было до 350 лошадей (рис.1). Н.Н. Карташев прошел с боями Украинскую и Молдавскую ССР, а затем Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, был дважды ранен, награжден Орденом Красной звезды и медалями. В наградном листе от 4 сентября 1944 г. говорится:

"*За период наступательных боев с 20 по 28.08.1944 г. тов. Карташев за время ликвидации окруженной группировки, находясь в районе боев, проявляя мужество и смелость, подобрал до 200 ло-*

шадей противника, а также большое количество амуниции и транспорта. Работая день и ночь, он сумел за счет трофеев обновить конский состав. Кроме этого, тов. Карташев произвел медосмотр около 250 лошадей и в короткий период времени эвакуировал их в глубокий тыл. За большую проделанную работу в укомплектовании конского состава и гужтранспорта за период боевых действий тов. Карташев достоин правительственной награды".

В ноябре 1944 г. полк участвовал в форсировании Дуная в ходе Будапештской операции. Из сводки Совинформбюро от 29 ноября 1944 г.:

"Войска 3-го Украинского фронта, перейдя в наступление, форсировали Дунай севернее реки Драва, прорвали оборону противника на западном берегу Дуная и, продвинувшись в глубину до 40 километров, расширили прорыв до 150 км по фронту". После этого неприятель дрогнул, и началось отступление гитлеровцев. За отличные боевые действия всему личному составу, участвовавшему в боях, приказом Главнокомандующего была объявлена благодарность.

Вместе со своим верным жеребцом Васькой Н.Н. Карташев закончил войну в Австрии. Николай Николаевич редко рассказывал о фронте, но, когда рассказывал, тепло вспоминал своего коня, настоящего друга, не раз спасавшего его от смерти (рис. 2). Демобилизован Н.Н. был только весной 1946 г., эта задержка была вызвана поисками надежного места для своего жеребца, который мог попасть в это сложное время на мясокомбинат. Капитан Карташев после договоренностей сам отвез своего Ваську на один из украинских конезаводов в Донбассе. Расставание было тяжелым, но иного выхода не было.

Вернувшись в Москву в 1946 г., Н.Н. Карташев меньше года работал старшим лаборантом, а с ноября 1946 г. по ноябрь 1949 г. был аспирантом Института зоологии МГУ (рис. 3). Он вернулся к работе на севере, в заповеднике "Семь островов", который организовали и исследовали его погибшие на фронте друзья. До конца жизни он с благодарностью вспоминал о них, а свою монографию "Чистиковые птицы Северной Атлантики" (1960) на немецком языке, получившую международное признание, посвятил памяти Ю.М. Кафтановского. Вот как Н.Н. Карташев (1949) вспоминал возвращение на острова и работу заповедника по восстановлению колоний птиц. "*В годы войны была снята охрана заповедника и началась беспланова хищническая эксплуатация базаров. В очень больших количествах проводился сбор яиц, так что обирались не только первые, но и повторные кладки на всех, даже малодоступных участках базаров. Кроме того, широко практиковалась "охота" на базарах, где с одного выстрела падает 10—15 птиц и такое же количество подранков уходит в море и гибнет там. Было разрушено некоторое количество многолетних гнезд моевок, засыпаны торфом отдельные верхние карнизы. Ряд больших удобных карнизов, где раньше гнездилось до 50—100 пар кайр, оказались пустующими. Там, где перед войной гнездилось несколько тысяч пар кайр, в 1946 г. на воду спустилось всего 79 птенцов. Поголовье гаги и моевки уменьшилось примерно до уровня 1938 г. Но уже в 1947 году положение улучшилось. В 1948 г. уже было обеспечено нормальное развертывание работы, что в первую очередь объясняется большой энергией и любовным отношением к делу Л.О. Белопольского, руководящего научной работой заповедника. Количество гнездящейся птицы, в первую очередь гаги, кайр и моевок, по сравнению с 1947 г. заметно увеличилось. Это создает уверенность в том, что коллектив работников заповедника сумеет в ближайшее время добиться резкого увеличения численности охраняемых видов птиц и превратит заповедник в резерват, обогащающий промысловую орнитофауну Мурманского побережья"*.

Рис. 1. Н.Н. Карташев гвардии капитан ветеринарной службы.

Рис. 2. Н.Н. Карташев на своем жеребце Ваське.

Рис. 3. Н.Н. Карташев с отцом, матерью и женой Л.С. Таманцевой после войны.

Серию статей по биологии, морфологии, развитию и охране чистиковых птиц Н.Н. опубликовал в сборниках “Охрана природы” в 1948–1951 гг. и в “Зоологическом журнале” в 1957 г. Кандидатскую диссертацию “Материалы по биологии развития чистиковых птиц Восточной Атлантики (экология, морфология, промысел)” он успешно защитил в 1950 г. Исследования чистиковых птиц были продолжены на Дальнем Востоке: на Курилах в 1959 г., на Командорах в 1960. В 1961 г. Н.Н. работал на Соловецких о-вах, к исследованиям на Мурмане возвращался в 1962–1964 гг. Анализируя свои наблюдения, он не мог не обратить внимания на экономическое значение птичьих базаров и на их стихийную эксплуатацию в отсутствие ограничений и контроля промысла, несмотря на установленные Правила охоты. Он предложил организовать на базарах Мотовского залива в 60–70 км западнее входа в Кольский залив опытное показательное промысловое хозяйство. Подробнее он обратился к его разработке в статьях 1951–1961 гг. В его основу были положены следующие принципы. Точный учет запасов и продукции каждого базара, выяснение биологии чистиковых птиц перед началом промысла (указаны применимые к разным видам методы учета). Различная эксплуатационная нагрузка на разные виды, исключение промысла малочисленных тупика и гагарки. Сбалансированная заготовка яиц, взрослых и молодых птиц. Полное использование всех частей добываемых птиц (мяса, пуха, пера, шкурок). Изоляция опромышляемого участка от

Рис. 4. Н.Н. Карташев с заведующим кафедрой профессором Н.П. Наумовым, 1970-е годы. Фото М. Штейнбаха.

остальных. Ограничение территории и сроков промысла. Регулирование численности хищников, соблюдение техники безопасности, биотехнические мероприятия (расчистка карнизов и т.п.). Постоянный контроль с участием зоологов. Воплощение в жизнь подобного плана вовлечения колоний птиц в сферу экономической деятельности могло бы стать ярким примером рационального природопользования в условиях Арктики.

Результатом работы Н.Н. Карташева в Туркмении совместно с Г.П. Дементьевым, А.О. Ташлиевым, М.К. Караевым стал цикл работ 1952–1956 гг. по фауне окрестностей Главного Туркменского канала. В него вошли материалы не только по птицам, но и по грызунам, амфибиям и рептилиям и даже по настенным росписям древнего мавзолея в северо-восточной Туркмении.

С 1953 по 1958 гг. работая в Окском заповеднике (Рязанская Мещера), Н.Н. Карташев занимался биологией водоплавающих птиц, исследовал экологию зимородка, изучал природно-очаговые заболевания на грызунах (рис. 4). Под его руководством в заповеднике впервые начали кольцевать птиц-дуплогнездников. Совместно с В.П. Тепловым им была разработана серия рекомендаций “Биологические основы упорядочения охоты на водоплавающих птиц в центральных областях Европейской части СССР” (1956), опубликованы статьи о влиянии весеннего паводка на успешность размножения уток, о работе орнитологической станции при Окском государственном заповеднике.

В разносторонних исследованиях чистиковых птиц, в том числе в онтогенезе, Н.Н. успешно применил новый в то время эколого-морфологический метод. Все описанные особенности строения интерпретировались с точки зрения их приспособительного значения для исследуемого вида и его эволюции в определенной экологической нише с учетом биотопической приуроченности, суточной активности, способов добывания корма, межвидовых и внутривидовых отношений и т.п. Подобных исследований онтогенеза целой группы птиц в то время было очень мало. Их начинал еще Ю.М. Кафтановский, а Н.Н. успешно продолжил. Это дало возможность экологически обосновать ряд обнаруженных морфологических особенностей чистиковых. Так, базиптеригоидное сочленение в черепе птенцов, редуцирующееся у взрослых птиц, оказалось сильнее выражено у видов, заглатывающих более крупные пищевые объекты. Крючок на клюве птенцов, который исчезает у взрослых, также оказался птенцовой адаптацией к удержанию скользкой добычи. Наличие более изогнутых когтей у птенцов по сравнению с взрослыми птицами позволяет им удерживаться на мокрых скользких камнях. Грудная клетка раньше приобретает дефинитивные черты (удлинение ребер и грудины) у птенцов тех видов, которые рано становятся самостоятельными и начинают нырять сразу после схода на воду (тупик, чистик). Таким образом, успех морфологического исследования определялся степенью изученности экологии вида. В обзоре “Некоторые особенности строения глаза птиц” (1974) этот метод продемонстрирован на примере зрительного анализатора. Например, характер расположения области острого зрения в сетчатке глаза птиц обу-

словлен экологической специализацией видов, а не их систематическим положением.

Большую часть своих работ Н.Н. посвятил колониальным птицам, не только применяя комплексный эколого-морфологический подход, но и стараясь использовать полученные материалы в таксономическом и систематическом аспектах. Он обратился к иммунологическим и биохимическим методам совместно со специалистами соответствующих направлений, опубликовал вместе с В.Д. Ильичевым материалы по биоакустике чистиковых. Это были совершенно новые приемы в орнитологии. Исследования нескольких видов чистиковых (двух видов кайр, атлантического и тихоокеанского чистиков, тупика, ипатки, гагарки) по числу антигенов в сыворотке крови не только подтвердили существующие представления систематиков о взаимоотношениях родов, но и позволили уточнить взгляды на систему этой группы. Так, на основании имевшихся к тому времени данных об отсутствии различий между чистиками Атлантики и Командор предлагалось считать их одним видом и отвергнуть противоположную точку зрения. В работе по изучению белковых фракций сыворотки крови методом электрофореза на бумаге были обнаружены большие индивидуальные различия, а также зависимость различий этих фракций от пола, возраста, сезона и диеты. Н.Н. предложил использовать их не как таксономический критерий, а как показатель влияния изменения условий среды на организм с учетом сезонных, половых и возрастных различий. Он также обращал пристальное внимание на трудности применения новых методов и пути их преодоления.

В развитие этих подходов совместно с В.Д. Ильичевым и И.А. Шиловым было написано фундаментальное учебное пособие “Общая орнитология” (1982), обобщающее опыт научной работы и преподавания орнитологии на кафедре зоологии позвоночных. В нем впервые были представлены такие разделы как экологическая физиология, коммуникации и общение, ориентация и сигнализация, а также прикладные направления, связанные с авиацией, здравоохранением, охотничьим и сельским хозяйством, охраной природы. Книга во многом превосходила аналогичные зарубежные издания тех лет. В этом пособии Н.Н. Карташеву принадлежит ряд основополагающих разделов: общая характеристика класса птиц, система класса, происхождение и эволюция, географическое распространение и численность, особенности движения, питание и энергетика (совместно с И.А. Шиловым), размножение и развитие (совместно с И.А. Шиловым), линька.

Педагогическая работа Н.Н. до последних дней была неразрывно связана с научной. Еще в 1950 г. он разрабатывал программу летней учебной практики на Звенигородской биостанции, где преподавал до 1979 г. Эта программа действует с небольшими изменениями и в настоящее время. Помимо практики, Н.Н. в любое время года, приезжая на биостанцию, постоянно вел подсчет птиц и запасов их основных кормов.

В соавторстве с В.Е. Соколовым и И.А. Шиловым был написан “Практикум по зоологии позвоночных” (1969), который выдержал три издания и был признан “классическим университетским учебником”. Вместе с Н.П. Наумовым издан двухтомный курс “Зоология позвоночных”, дополненный по сравнению с известными сводками многими новыми материалами. Заключительным трудом жизни Н.Н. стала монография “Систематика птиц” (1974) – первый учебник на русском языке, обобщающий мировой опыт в этой области. Курс с таким же названием Н.Н. читал на кафедре много лет, непрерывно совершенствуя его и уделяя много времени подготовке к каждой лекции независимо от предшествующего опыта (рис.5). В нем, как и в книге, Н.Н. проявлял чрезвычайно бережное отношение к научному наследию предшественников. Истории исследований он всегда посвящал отдельную лекцию, причем не первую, как обычно делают, а последнюю в цикле, когда у слушателей уже были сформированы основные представления о системе и они могли оценить весь творческий путь, пройденный со времен Аристотеля и Линнея. Следующий том в этом цикле, “Биология птиц”, продолжавший курс Г.П. Дементьева, читавшего его до 1969 г., к сожалению, остался ненаписанным.

Рис. 5. Н.Н. Карташев с П.С. Томковичем (справа) и А.А. Кищинским, 1970-е годы. Фото М. Штейнбаха.

Таким образом, кроме личного обаяния и глубокой эрудиции, Н.Н. Карташев остается в памяти коллег как человек и ученый, глубоко чтивший и поддерживавший преемственность в науке, неизменно обращавшийся к опыту предшественников, как сторонник инновационных подходов, постоянно совершенствовавший методический арсенал. Как ученый, критически относящийся к результатам работы, не допускающий декларативности и категоричности утверждений. Наконец, Н.Н. Карташев был приверженцем рационального природопользования, горячо поддерживал заповедное дело и лично участвовал в организации и пропаганде научной работы заповедников.

И еще Николай Николаевич всегда поддерживал молодых сотрудников. В его характере была очень хорошая черта – он мог искренне восхищаться способностями других людей, особенно молодых, и всегда делился этим восхищением. Как человек, прошедший войну и знавший цену жизни, он очень четко отделял важные вещи от мелочей, которые не стоят ни времени, ни переживаний. Для него работа и семья, друзья и книги были основной опорой. Н.Н. обладал хорошим чувством юмора и, что не менее важно, самоиронией. Иногда люди, не очень хорошо знавшие его, считали Н.Н. очень суровым и строгим, особенно часто попадались на такой обман студенты. Его это по-детски смешило, т.к. в действительности он был очень демократичным и простым в общении человеком. Его дипломниками и аспирантами были Я.В. Сапетин, В.В. Иваницкий, Е.В. Сыроечковский и другие известные орнитологи. Николай Николаевич никогда не навязывал своего мнения и не “руководил” в привычном смысле. Он ценил в своих подопечных самостоятельность. Просидев с ним в одной комнате пять лет, я не слышала от него никаких наставлений, но всегда чувствовала его готовность дать совет или исправить ошибку. Один раз он доверил мне провести вместо него занятие по систематике чайковых птиц, чем я очень гордилась. Над письменным столом Н.Н. висел маленький листок, вырезка из настенного календаря, с такими строчками Льва Озерова (псевдоним Льва Гольдберга):

Пренебрегая словесами,

Жизнь убеждает нас опять:

Талантам надо помогать,

А прочие пробьются сами.

Автор выражает признательность О.Н. Карташевой за фотографии из семейного архива и за ценные советы и замечания.